

Лукав¹⁰ и другие писатели. О первоклассных, Горации, Виргилии, Проперции, Тибулле, Овидии — я не говорю: я с ними познакомился гораздо прежде, читал их в издании, кажется, Низара, в 2 столбца, большое⁸, текст и французский перевод¹¹. Читал больше в переводе, только красивые места разбирал по-латыни, и переводил непременно по-русски, ища равносильных поэтических выражений, иногда и стихами, тут же в книжке. Очень жалею, что все эти книги у меня пропали, с моими заметками и стихами. Для отделки «Трех смертей» чтение мое разрослось. Потребовались философы, трагики, комики, Плутарх и особенно его мелкие и философские сочинения; Апулей, Лукиан. Тут-то будничная жизнь Рима раскрылась передо мной все более и более и «Три смерти» обогащались все новыми и новыми чертами. В этом перечне книг, мною прочитанных, я не упоминаю о новейших писателях. Через некоторый период времени я усматривал недостатки в моем писании, натяжки, неверности, начинал ненавидеть написанное; вдруг принимался переделывать, опять бросал, опять переделывал, печатал, торжествовал — и опять через года два, три — та же история.

Прошло наконец много лет после появления поэмы в виде «Смерти Люция» в «Русском вестнике»¹². В 1872-м году надобно было делать новое издание. Пересматриваю эту «Смерть Люция»: о ужас, есть красивые места, но сколько натянутого. И сам герой ни то, ни се, ни эпикуреец, ни патриот. Дело в том, что за это время неведомо для меня самого, в кладовых моего воображения накопилось много иных образов, взглядов, изощрившись в анализе настоящего, пережитого и переживаемого нами времени, стал глубже проникать и в явления жизни давно минувших веков. Дело в том, что я во все это время и посреди других трудов не пропустил без прочтения всего, что попадалось относящегося до жизни древних. При этом вот еще что: история, всякая, всегда меня интересовала. (Об русской не говорю: ею я никогда не переставал заниматься и в нее вдумываться: это изучение отразилось и в «Слове о полку» Игореве, в рассказах о прозе¹³, и во всех моих русских сюжетах). Читая исторические описания, я всегда стремился — вообразить события (или факты) так, чтобы они осветились своим истинным внутренним светом, и преимущественно с психологической точки зрения, как со стороны действующих лиц, так и масс. Отыскание общих исторических законов, которыми ныне так заняты, всегда мне представлялось работой слишком легкой, поверхностной, спокойной и притом допускающей много произвола, работой, ничего не объясняющей и ничего не рисующей. События минувших веков я старался вообразить себе по их аналогии с тем, что прожил и наблюдал сам на своем веку, а нами проживаемая историческая полоса так богата подъемами и падениями человеческого духа, что внимательному взору представляется богатый материал для сравнения даже с далекими минувшими эпохами. Открывается удивительная аналогия явлений, но не роковая последовательность непреложных внешних законов, а нечто живое, вечно действующее в самой сущности духа человеческого: напр<имер>, является какое-нибудь государство в известный период времени. Это непременно эпоха горячей веры людей, религиозного энтузиазма народа, засим в государстве происходит шатание, ослабление — оно идет рядом с водворяющимся сомнением, с возникающим и усиливающимся рационализмом, скептицизмом, софистикой. Засим исчезает вера и народ, государство сходят со сцены истории. Так возникли, цвели и пали, я уверен, и Египет, и Индия, и Ассирия, и Вавилон; о Греции и Риме — мы уже это знаем. Мы (Европа) переживаем одну из таких эпох. Кто из мыслящих людей не пережил периодов сомнения в крепость и вечность того, что любит, без чего жизнь как-то не мыслится? С другой стороны, кто из тех же мыслящих людей при первом пробуждении ума не протестовал против исторического склада, против «старины» и пр.? Кто не пережил пору, когда